
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЭММА РУДКЕВИЧ
Измена мужа.
Ты украл мои чертежи, но твой инвестор выбрал меня!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты украл мои чертежи, но твой инвестор выбрал меня!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты украл мои чертежи, но твой инвестор выбрал меня! / М. Ветрова — «Автор», 2026

На годовщину свадьбы я испекла мужу торт. А он объявил о разводе, выставил меня за дверь и подарил любовнице мою работу.Пять лет я проектировала «Хрустальный купол», но Денис присвоил чертежи, уничтожил мою репутацию и решил, что без него я никто.Он забыл одну деталь: я знаю ошибку, из-за которой его грандиозный проект может рухнуть.Влиятельный инвестор Аркадий предлагает мне шанс доказать правду, но его помощь тоже имеет цену.Теперь мне предстоит вернуть своё имя, остановить катастрофу и выбрать, кому доверять.А предатель увидит, чего стоит женщина, которую он выбросил из собственной жизни.На этот раз решения принимаю только я.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Марина Ветрова, Эмма Рудкевич Измена мужа. Ты украл мои чертежи, но твой инвестор выбрал меня!

Глава 1

Торт был «Наполеоном». Я возилась с ним три дня, раскатывая и обрезая коржи с точностью хирурга, потому что в нашей семье даже праздник должен быть безупречен. Свечи отражались в стекле серванта. Поправив прядь волос, пахнущую ванилью, я взяла поднос. Ключи от машины оттягивали карман халата. Годовщина. Семь лет брака. Денис обещал вечер только для нас.

Дверь спальни открылась бесшумно. И тишина ударила меня в лицо сильнее, чем если бы закричала.

Чемоданы стояли посреди ковра. Два больших, черных, застегнутых на все замки. Рядом — мой паспорт и свидетельство о браке лежали аккуратной стопкой на прикроватной тумбочке, как реквизит в дешевом детективе.

— Ты дома рано, — голос Дениса был ровным, скучающим. Он не смотрел на торт. Он глядел на свои часы, будто ожидание затянулось дольше положенного срока. — Убирай это. Не хочу видеть фальшь.

Поднос дрогнул в моих руках. Корица просыпалась на пол, золотистым мусором.

— Денис? Что происходит? Это... это шутка?

Он наконец поднял глаза. Я ждала, что он отведет взгляд, хоть поморщится. Денис смотрел прямо на меня, как над актом, в котором я нашла ошибку: подпись уже стоит, поздно спорить.

— Развод оформлен задним числом. Через адвоката Марины. Юридически мы свободны уже неделю. Я просто ждал удобного момента, чтобы вынести вещи.

Поставила поднос на тумбочку, придавив им край свидетельства о браке. Сделала шаг к нему и поймала его за рукав пиджака. Ткань была дорогой, шелковистой, чужой.

— Мы можем поговорить. Я могу объяснить... Я знаю, ты хотел повышения. Но я помогала тебе с отчетами! Без меня ты бы завалил годовой план!

— Помогала? — он дернул плечом, стряхивая мою руку, словно она была липкой паутиной. — Ты была балластом, Вера. Домашним инструментом. А мне нужна жена из правящей семьи. Дочь владельца завода. Марина дает мне доступ к советам директоров. Ты даешь мне только головную боль и старые чертежи.

Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле.

— Чертежи? О каком проекте ты говоришь?

Денис усмехнулся. Эта улыбка была страшнее крика.

— «Хрустальный купол». Мой дипломный труд для Аркадия. То есть теперь уже мой. Твой вклад аннулирован. Сервер заблокирован. Доступа у тебя нет. Никогда больше не будет.

Он выхватил телефон из моего кармана халата. Экран погас, став черным зеркалом.

— Верни! Это мои контакты! Мои клиенты!

— Они мои теперь, — он бросил трубку на кровать. — Как и всё остальное.

В этот момент дверь распахнулась. В проеме стоял охранник завода, Гена. Крупный, с лицом, выбитым из гранита, и запахом пота, который перебил ваниль торта. За ним мелькнуло красное платье под дорогим распахнутым пальто. На лацкане сверкнула бриллиантовая брошь. Марина.

— Выметайся, Вера, — сказал Денис, не повышая голоса. — Пока я не вызвал полицию за незаконное проникновение в частную собственность. Хотя, технически, ты здесь лишняя.

Гена схватил меня за плечи. Его пальцы были грубыми, грязными. Меня физически развернули, толкнули к выходу. Я цеплялась за дверной косяк, ногти белели от усилия, но тело предательски скользило по лакированной древесине.

— Денис! Посмотри на меня! Ты мой муж!

— Бывший, — поправил он, проходя мимо нас к выходу на парковку.

Марина прошла по коридору, даже не глядя в мою сторону. От неё пахло тяжелыми цветочными духами и деньгами. Этот запах осел в легких, тошнотворный и окончательный.

У вешалки я успела схватить куртку. Гена дернул меня за плечо, и рукав выскользнул из пальцев, но саму куртку я удержала. Меня вытолкнули в коридор служебного жилья. Дверь захлопнулась перед носом с оглушительным щелчком. Я еще слышала щелчок замка, даже когда за дверью заговорили. Прижала куртку к груди, не зная, что делать с руками.

Я обернулась. На пороге своей квартиры стояла свекровь, Тамара Ивановна. Она держалась за ручку двери, как за спасательный круг. Лицо её было каменным.

— Мама? — голос сорвался в хрип. — Скажи ему... Скажи, что это ошибка.

Она не ответила. Вместо этого она достала из-за спины садовый шланг. Из него хлестнула ледяная вода прямо в лицо. Я закашлялась, поперхнулась, упала на колени на мокрый линолеум.

— Марина обещала новую кухню, — прошептала Тамара Ивановна, не отводя глаз от струи. Вода затекала за ворот халата, а я все еще ждала, что она хотя бы закроет кран. — И ремонт ванной. Ты не можешь дать мне это. А они могут. Забудь, кто автор чертежей. Забудь, что ты вообще существовала.

Она закрыла дверь. Засов лязгнул.

Я сидела на полу, пока вода капала с подбородка. Натянула куртку поверх промокшего халата; в карманах нашлись старые рабочие перчатки, мелкая бумага. Ключи от машины переложила туда же. Перчатки пришлось переложить дважды: ключи не помещались. Я занималась этой ерундой с таким старанием, словно от нее зависело, смогу ли встать. Думать о том, что осталось за дверью, пока не получалось.

Коридор вел к запасному выходу. Я вышла на улицу. Дождь лил стеной, смешиваясь со слезами, которые я не могла остановить. Парковка завода была залита грязью. Свет фар пробивал темноту, высвечивая лужи.

Моя машина стояла у шлагбаума. Но шлагбаум опущен. Красный сигнал горел, как глаз циклопа.

Через стекло джипа Дениса я увидела, как Марина целует его в щеку. Он смеется. Широко, победно, открывая рот. Потом их взгляд падает на меня. Денис не моргает. Просто отворачивается. Для него я уже мусор. Отработанный материал.

Я побежала к их машине. Кулаки ударили по капоту. Металл загудел глухо, бессмысленно.

— Денис! Открой! Ты не имеешь права! Это моя жизнь!

Охранник Гена вышел из будки, включил музыку в колонках так громко, что бас бил в грудную клетку. Он сделал жест рукой: «Иди прочь». Музыка заглушила мои крики. Джип тронулся, разбрызгивая грязь на мои ноги, и растворился в ночи.

Оставаться на парковке было опасно. Охрана начала обход территории. Я знала каждый угол этого завода, каждый люк, каждую тень. Если Гена вернется к шлагбауму, опять схватит меня. Я оглядела двор: до цеха №4 можно добежать, не пересекая освещенную площадку.

Я побежала к заброшенному цеху №4. Тот, что строили еще при советской власти и бросили после аварии на реакторе. Место, куда не пускают детей и не ходят рабочие.

Внутри пахло плесенью, ржавчиной и сыростью. Темнота была абсолютной. Я спотыкалась о куски арматуры, ободрала ладони до крови. Нашла старую скамейку, присела, пытаясь согреться, свернувшись клубком. Одежда висела на мне мокрыми тряпками. Холод проникал в кости, сковывал суставы.

Здесь, в темноте, я перестала сдерживать плач. Не навзрыд, а тихо, скуляще, как побитая собака. Я потеряла всё. Дом. Работу. Мужа. Репутацию. Даже телефон. Ни документов, ни денег, ни еды. Есть только мокрая одежда и знание того, что завтра меня найдут и выставят за ворота окончательно.

Рассвет пришел незаметно. Свет начал сочиться сквозь дырявую крышу, высвечивая танцующие пылинки. Я вышла наружу, щурясь от резкого солнца.

Во дворе завода кипела работа. Бригада рабочих окружала макет «Хрустального купола», над которым я работала пять лет. Стеклянные панели, каркас из титана, сложнейшая система вентиляции. Мой шедевр.

Денис стоял в центре группы, в дорогом костюме, несмотря на утро. Он раздавал команды, указывая пальцем на узлы.

— Здесь усилить! Там убрать! Аркадий приедет через два дня. Всё должно сиять!

Рабочие начали демонтаж. Молотки били по стеклянным элементам. Звон был оглушительным. Фрагменты моей работы летели в мусор.

Денис заметил меня. Он остановился. Наши взгляды встретились через двор, через годы совместной жизни. Он не подошел. Не заговорил. Просто махнул рукой охраннику. Жест был коротким, презрительным. «Уберите». Все было ясно без слов.

Я не убежала. Я стояла и смотрела, как рушат то, что создавали мои руки. Смотрела, как Денис, уверенный в своей гениальности, командует сносом собственной могилы.

Молоток снова ударил по стеклу. Я вздрогнула и вдруг уцепилась взглядом за опору: ее-то Денис оставил прежней.

Я вспомнила расчеты. Тонкую деталь в узле крепления несущих опор. Денис путался в сопромате, учитывал собственный вес конструкции, но забывал про ветровую нагрузку. Он украл проект, скопировал цифры, но не понял логику. Если он оставит этот макет таким, какой он есть сейчас, усилив только видимые части...

Конструкция не просто упадет. При первом же сильном ветре она сложится внутрь себя, как карточный домик. Если налетит во время презентации — прямо на головы инвесторов.

Я улыбнулась. Одними губами. Холодно.

Денис думал, что выбросил меня на помойку. Но он забыл главного инженера проекта. Он забыл, что я знаю каждый слабый узел. Мне даже не нужно ослаблять винт: достаточно показать, что он уже сделал сам.

Но сначала мне нужно пережить еще одну ночь. Нужно найти способ попасть в серверную. Или хотя бы получить новый телефон.

Макет рушился дальше. Стекло звенело, как колокола похоронного марша. Я отвернулась и пошла обратно в ангар. Голод скручивал живот. Я придерживала разбитую ладонь другой рукой и повторяла про себя номер узла, чтобы снова не думать о торте на его тумбочке.

Глава 2

К вечеру охрана выгнала меня из цеха. Возле шлагбаума как раз пропускали грузовик; я успела сесть в «Шкоду» и выехать за ним, прежде чем Гена снова опустил стрелу. Куртка согрелась от тела, халат под ней всё ещё был влажным. В багажнике нашлись рабочие джинсы и футболка. Переодевалась на заднем сиденье, согнувшись так, что свело шею, — зато больше не торчала на улице в домашней одежде. Машину поставила у старого ангара за внешним забором завода.

Дождь в этом городе не льёт — он бьёт. Тяжёлые капли хлещут по крыше моей старой «Шкоды», как молотки по наковальне. Салон промерз до костей. Окна запотевают изнутри, превращая внешний мир в мутное серое пятно, где нет ни Дениса, ни Марины, ни их лживых улыбок. Только я и холод, который пробивается сквозь ткань куртки и впивается в плечи.

Я пытаюсь завести мотор. Ключ в замке щелкает сухо, безжизненно. Ещё раз. Ещё. Бензин закончился ровно тогда, когда мне нужно было тепло больше всего. Двигатель кашляет, глохнет и замолкает окончательно. Теперь тишина давит на уши сильнее грохота дождя. Я сижу в темноте, обнимая колени, и слушаю, как вода стекает по металлу кузова. Кап-кап-кап. Подтянув воротник к ушам, я в который раз поворачиваю ключ. За стеклом идет дождь, а печка так и не дует.

Рывок за телефон. Пустой карман. Денис оставил его на кровати, а я даже не успела забрать. Ни позвонить, ни доказать кому-нибудь, что я человек, а не приложение к мужу. В бардачке лежал пауэрбанк. Тот, который я купила после того, как Денис в третий раз забыл зарядить свой айфон перед важной встречей. Он мёртв. Красная лампочка даже не моргает. Пустой кусок пластика.

И тут память подбрасывает удар ниже пояса. Исходники. Рабочий архив «Хрустального купола». Они были на рабочем ноутбуке. На том самом, который остался в кабинете Дениса, под его персональным замком. У Дениса теперь все: даты правок, мои таблицы, месяцы работы. Теперь мне придется заново доказывать каждую цифру. А он уже успеет продать их под своим именем.

Вдруг свет фар ослепляет меня. Сквозь запотевшее стекло вижу силуэт грузовика, проезжающего мимо ангара. Я инстинктивно прижимаюсь к рулю, ожидая агрессии, криков, чего угодно. Но машина просто едет дальше, оставляя за собой шлейф дизельного дыма. Однако в зеркале заднего вида, которое всё ещё ловит остатки света, я вижу фигуру. Охранник. Тот, нанятый Мариной. Он стоит у ворот ангара, не уходя. Подносит телефон к лицу. Вспышка? Нет, просто экран светится. Он фотографирует номер моей машины. Я ниже сползаю на сиденье. Номер он уже снял; бессмысленно прятаться. Уехать бы сейчас, пока он не подошел, но стрелка бензина лежит на нуле.

Голод скручивает живот спазмом, переходящим в дрожь. Холод становится невыносимым. Я выхожу из машины, чтобы размять затёкшие ноги, и тут же наступаю в глубокую лужу грязи на парковке. Ледяная жижа мгновенно проникает сквозь сетку кроссовка, касаясь кожи стопы. Запах болота, мазута и чего-то сладковато-гнилого заполняет ноздри.

В салоне можно снова обнять колени и ждать, пока совсем окоченею. В багажнике есть фонарь и инструменты — я сама их туда укладывала. Поворачиваюсь к машине и иду открывать замок. Замок заклинело от холода. Не сдавайся. Достаю плоскую отвертку из кармана дверцы. Руки дрожат, но пальцы помнят работу. Поддеваю заевшую защелку, игнорируя дождь, хлещущий по затылку. Щёлк. Багажник открывается. Внутри инструменты, старая тряпка, фонарь. Руки всё ещё работают. Голова ещё думает. Замок я открыла — с остальным тоже разберусь.

Возвращаюсь в салон, мокрая по колено. Дрожу так сильно, что зубы стучат. В кармане куртки пальцы наталкиваются на бумагу. Забытый стикер. Жёлтый квадратик, написанный моим почерком неделю назад: «Люблю тебя, даже когда ты невыносим». Годовщина. День, который должен был стать праздником.

Тошнота подступает к горлу комом. Я смотрю на эти слова. Еще неделю назад собиралась приклеить записку ему на чашку: думала, он улыбнется перед работой. Хочется выть, но я только сминаю уголок бумаги. Даже сейчас мой почерк какой-то старательный, ласковый. Противно смотреть. Медленно разворачиваю стикер и засовываю его в рот. Бумага влажная, горькая. Я жую её, пока она не превращается в отвратительную массу во рту. Пусть теперь попробует прочитать эту записку. Выплёвываю эту горечь в пакет для мусора, лежащий на полу рядом с пустыми бутылками.

Утро начинается не с рассвета, а со звука открывающихся ворот соседнего цеха. Металлический скрежет режет уши. Я слышу голоса двух рабочих, обсуждающих утренний кофе.

— Говорят, она истерила. Мониторы разбила, клавиатуры кидала, — голос первого звучит насмешливо.

— Денис Сергеевич едва успел её вытолкать, — вторит второй, смеясь. — А проект-то красивый. Жаль, что баба не дотянула. Теперь Денис будет директором. Хватит ей дурачка валять.

Они уже рассказали друг другу, что произошло. И поверили. Ни один не спросил, кто видел разбитые мониторы. Смех приближается к машине, и я закрываю глаза: узнают — продолжат уже мне в лицо. Пусть сперва увидят свои опоры под нагрузкой. Тогда я послушаю, как они смеются. Завтра эти люди будут смотреть на меня иначе. Если увидят.

Я решаю идти пешком. Ближайшее круглосуточное кафе в трёх километрах. Там можно попросить горячей воды, высохнуть и договориться о звонке. Хотя бы попытаться. Иду по скользкому асфальту вдоль забора завода. Мокрые волосы липнут к щекам, но мне всё равно. Прохожу мимо главного входа. Там висит новая табличка, ещё пахнущая краской: «Директор производства — Д. Волков». Под ней портрет Дениса. Он улыбается в дорогом костюме, глядя в камеру так, будто только что спас мир от хаоса.

Я останавливаюсь. Смотрю на его лицо. Я жду, что опять расплачусь перед этим портретом. Вместо этого смотрю на табличку: директор производства. Он отвечает за то, что вчера велел собирать. И тут я вспоминаю, какая именно версия расчетов осталась у него, пока он выносил чемоданы. В украденном проекте «Купола» была ошибка. Узел крепления несущих балок к фундаменту. Расчёт ветровой нагрузки был неверным. Точнее, он был основан на черновиках, которые я выбросила месяц назад, заменив их финальной версией. Денис взял эти черновики. Он не проверил финальные расчёты, потому что не умеет читать инженерные схемы глубже уровня заголовка. Он бухгалтер с амбициями диктатора.

Проект обречён. Конструкция рухнет. Не завтра, не послезавтра. При первом серьёзном шторме. Месть не требует усилий. Время сделает работу за меня. Я улыбаюсь впервые за сутки. Горько, но искренне.

Из кармана куртки я достаю сложенный вдвое лист бумаги. Единственный фрагмент схемы узла крепления, который неделю назад собиралась выбросить вместе с черновиками. Сунула в карман, чтобы донести до корзины, да так и забыла. На нём корявым почерком написано: «Если ветер > 25 м/с, узел 4В не держит».

Прячу лист во внутренний карман, где он меньше намокнет. Завтра этот лист станет моим билетом. Или в новую жизнь. Или в могилу, если Аркадий решит, что я знала об ошибке и молчала. Подушечкой пальца провожу по обозначению 4В. Вот что ему придется объяснять Аркадию, пока на воротах висит его свежий портрет. Лишь бы добраться до инвестора раньше презентации.

Глава 3

Кафе оказалось закрыто на ремонт. На двери висел листок, раскисший под дождем; я прочла его дважды, будто во второй раз меня могли пустить. До вечера ходила по городу, стыдясь просить и злясь на этот стыд. Потом вернулась к «Шкоде» и укрылась в ангаре.

Дождь не заканчивался. За день вода добралась даже до сухого угла ангара, где я устроилась. Пришлось отодвинуться от стены; с каждой новой каплей место на бетоне становилось уже. Я сидела на холодном бетоне заброшенного ангара, обхватив колени руками так сильно, что ногти впились в ткань куртки до боли. Губы синели, тело мелко дрожало. Я уже не различала, когда стучу зубами от холода, а когда — вспомнив Гену. Стоило услышать шум снаружи, и я задерживала дыхание: только бы не за мной.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь шуршанием мокрой листвы и далеким гулом трассы. Рядом стоял разбитый фургон без стекла в одном окне; от него тянуло плесенью и машинным маслом. Моя «Шкода» осталась снаружи. В кармане лежал обрывок схемы, который мог оказаться нужнее всех Денисовых презентаций. Но кто мог прийти сюда, в это гнилое нутро города?

Фары вспыхнули внезапно, ослепляя белым светом. Машина была огромной, черной, похожей на гроб на колесах. Она затормозила у самого края ямы, где скапливалась грязная вода. Из темноты вышли двое мужчин в одинаковых плащах. Охрана. Профессиональная, молчаливая, опасная.

— Частная территория, — голос одного из них был ровным, без интонаций. — Уходите. Полиция уже едет.

Я не попросила милости. Не заплакала. Просто поднялась, чувствуя, как хрустят коленные чашечки, и сделала шаг вперед, прямо в луч фар.

— Серия «Хрустальный купол», проект №47-Б, — сказала я хрипло, прочищая горло. — На заводе собирают его по забракованным черновикам. С ними ваш проект — это груда стекла, которая убьет людей при первом же порыве ветра. Вы уверены, что хотите вызвать полицию, чтобы она осмотрела эти файлы раньше вас?

Мужчины переглянулись. Второй достал рацию и держал ее у подбородка, не говоря ни слова. Я ждала, кому он назовет номер проекта, и боялась пропустить ответ за шумом дождя.

Через минуту дверь машины открылась. Оттуда вышел мужчина. Высокий, в костюме, который стоил больше, чем моя годовая зарплата на заводе Дениса. Аркадий. Я видела его фото в отраслевых журналах. Инвестор, который скупал убыточные активы, как другие покупают акции. Его лицо было каменным, глаза — серыми и пустыми, как зимнее небо над нашим городом.

Он не смотрел на меня. Он говорил с помощником, который бежал за ним следом, тыча пальцем в планшет.

— ...убытки за квартал критические. Если через месяц мы не запустим линию, банк отзовет кредит. Найди мне инженера, который понимает структуру несущих элементов. Любого. Даже бродягу.

Аркадий игнорировал меня полностью. Для него я была частью ландшафта, как этот мусор или этот дождь. Меня душила ярость. Злость на то, что меня снова не слышат. И на себя — за то, что я стою здесь, мокрая и жалкая, перед человеком, который может решить мою судьбу одним щелчком пальцев.

Я обошла машину, нарушая протокол безопасности, который читался в напряженных плечах охранников, и резко открыла пассажирскую дверь. Кожа салона была теплой. Пахло дорогим табаком, сандалом и властью.

— Вы купили труп, Аркадий, — произнесла я, садясь внутрь и захлопывая дверь. Замки щелкнули с глухим звуком. — Я могу сделать из него живого человека. Или вы хотите, чтобы он гнил дальше?

Аркадий обошел машину и сел за руль. Наконец посмотрел на меня. Медленно. Сверху вниз. В его взгляде не было удивления. Было скудное любопытство хищника, заметившего добычу, которая сама прыгнула в клетку.

— Вы вторглись в частную собственность, — сказал он тихо. Его голос был бархатным, но за ним чувствовалась сталь. — И пытаетесь меня шантажировать. Мне нужно вызвать полицию или вашу бывшую свекровь, чтобы она объяснила вам, что такое личные границы?

Его руки легли на руль. Костяшки побелели. При слове «свекровь» я чуть не отшатнулась к двери, но удержалась. Смотрела на его пальцы и заставляла себя вспомнить, ради чего села в эту машину.

Я полезла во внутренний карман куртки, в котором лежала моя последняя страховка, и достала маленькую флешку. Пластик был дешевым, потертым. Денис не нашел её среди моих вещей. Исходников здесь не было — только копии расчетов и акты, которые я сохраняла для сверки.

— Это не шантаж, — я положила флешку на панель приборов, рядом с дисплеем. — Это страховка. Для вас же. Если я исчезну, эти файлы уйдут в сеть вместе с отчетом о том, кто именно подделал подписи в актах приемки «Купола». Там ваши деньги, Аркадий. И ваша репутация.

Он не сразу взял флешку. Он смотрел на нее, потом на меня. Помощник за окном нервно барабанил пальцами по крыше машины.

Аркадий подключил устройство к встроенному планшету. Экран засветился холодным голубым светом, отражаясь в его глазах. Мы сидели в тишине, слыша только шум дождя по стеклу и свое дыхание. Я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, но держала спину прямой.

Он листал файлы быстро, профессионально. Его брови чуть приподнялись. Один раз. Только один раз.

— Идеально, — пробормотал он себе под нос. Потом повернулся ко мне. — Почему ты молчала три года? Почему позволила ему красть то, что знаешь ты?

Вопрос попал точно в рану. Три года. Три года я верила, что любовь делает нас честными. Что партнер должен понимать ценность труда другого. Что амбиции не должны растаптывать талант.

— Я думала, он сам скажет, кто это сделал, — ответила я, и мой голос дрогнул, впервые за весь вечер. — Ну как же: мы вместе живем, вместе работаем. Он получает повышение — значит, нам обоим лучше. А когда я спохватилась, подписи уже стояли. Его подписи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.